

«Мы выстоим, пройдем сквозь сталь и огонь...»

Журналисту Николаю Калмыкову пророчили большое будущее. Если бы не война...

Если бы не война, то, по всей вероятности, уже летом 1941 года он мог стать редактором «Орловской правды». Но самым главным делом жизни этого талантливого человека стал ратный труд — вначале в пехоте, затем в дивизионных газетах. За десять дней до начала весны 1945 года он погиб на фронте.

Николай Иванович Калмыков родился 30 марта 1912 года в деревне Аннино-Змиёвка в крестьянской семье. Отец его ходил на заработки в Донбасс, был печником. Николай окончил четыре класса в Змиёвской железнодорожной школе, но дальше учиться не было средств и возможности: отец потерял зрение, хозяйство надо было вести сыновьям. Работал грузчиком на станции, был активным селькором газет «Орловская правда» и «Молодой коммунар» (Воронеж).

«Год великого перелома» стал переломным и в судьбе Николая Калмыкова. Его принимают в штат районного отдела народного образования на должность делопроизводителя, в июле 1930 года «Орловская правда» начинает выпуск в Свердловском районе газеты «Голос колхозника» — Калмыков становится секретарём местной редакции.

В районной газете начинающий журналист работал до мая 1934 года, затем получил назначение на должность заведующего советско-торговым отделом «Молодого коммунара». Но условия жизни в Воронеже для молодой семьи Калмыковых (а уже родился сын) оказались крайне суровыми — в холодной коммунашке первенец постоянно болел, и потому было решено возвращаться в Змиёвку (где старший брат Павел был председателем колхоза, затем Котовской сельсовета, младший Пётр работал на почте) или в Орёл. В итоге место нашлось в Орле: в январе 1935 года Николай Калмыков стал сотрудником «Орловской правды».

Журналист Михаил Шибалис вспоминает: «Он был среднего роста, блондин, внешне красив, всегда спокоен и добродушен. Всё делал не спеша, но основательно». Коллега по редакции Сергей Ильин запомнил Калмыкова таким: «Он был талантливым очеркистом, располагал к себе добродушной простотой, неподкупной принципиальностью, оптимизмом». Благодаря энергии и мастерству Калмыков стал заметной личностью в редакции: секретарь комсомольской организации «Орловской правды» и секретарь месткома, студент-заочник коммунистического института журналистики, внештатный сотрудник курских областных газет (до сентября 1937 года Орёл входил в состав Курской области).

Казалось бы, с образованием Орловской области в сентябре 1937 года кандидатура Николая Калмыкова выйдет на первый ряд — в резерв на должность заместителя редактора «Орловской правды» или редактора областной молодёжной газеты. И действительно, его принимают кандидатом в члены коммунистической партии, назначая ответственным секретарём редакции. Но вскоре вал репрессий настиг и Калмыкова — его арестовали 23 октяб-

ря 1938 года. Сотрудники «Орловской правды» Василий Буняев, Лев Казакевич и Калмыков обвинялись в том, что «являлись агентами японской разведки и членами антисоветской правотроцкистской организации, по заданию которых проводили систематическую антисоветскую, шпионскую деятельность».

Почти четыре месяца шли допросы, следователи выбивали признательные показания... 17 февраля 1939 года в Орле состоялось заседание военного трибунала Орловского военного округа. Лев Казакевич и Василий Буняев были приговорены к расстрелу, Калмыков оправдан (заметим, что вскоре приговор изменили — вместо расстрела первым двоим дали по 20 лет лагерей, и только в 1956 году Буняев и Казакевич были оправданы).

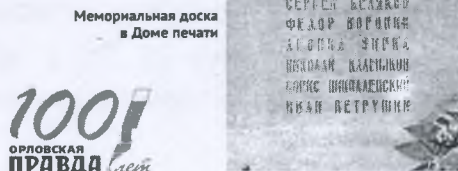
17 февраля Николай Калмыков вернулся к себе домой на Московскую, 14... Он был полностью, как тогда говорили, «восстановлен в правах». Более того, его приняли в коммунистическую партию. А вот поиск своего места в редакции, куда на смену репрессированному пришло множество новичков, явно затянулся. За год пришлось переменить несколько должностей: был заместителем заведующего отделом информации, корреспондентом партотдела, литсекретарём секретариата, завотделом советов и торговли, ответственным секретарём. В июле 1940 года Николаю Калмыкову предложили стать полномочным представителем редакции в Ельце. Здесь он работал собственным корреспондентом до начала Великой Отечественной войны, а в первые же дни пошёл в военкомат добровольцем. Но в действующую армию его призвали только осенью 1941 года.

Был политруком роты, секретарём партийного бюро полка. Из Сталинграда он писал в сентябре 1942 года: «Да, нам бываете трудно... Приходится выносить все тяготы войны. Но мы выстоим! Мы перенесём все муки, пройдем сквозь огонь и сталь. Но выстоим. Выдержим натиск врага, а потом погоним его на Запад, прочь с нашей родной земли». По фронтовым дорогам прошёл тысячи верст: воевал на Орловско-Курской дуге, под Харьковом и Полтавой, форсировал Днепр, освобождал Прибалтику, Польшу. Особой его радостью было возвращение в журналистику — накануне великого сражения на Орловско-Курской дуге Николай Калмыков стал заместителем редактора газеты 9-й гвардейской воздушно-десантной дивизии «Сталинская гвардия». Боевой офицер, он был не менее боевым газетчиком. Приведём строки из награжденного листа, датированного 26 июля 1943 года: «В дни ожесточённых боёв на Белгородском направлении всё время находился на передовой линии вместе с наступающими подразделениями гв. капитанов Чебычева и Славина.

Участвовал в захвате населённого пункта Михайловка. 20 июля вместе с разведкой 26-го полка наткнулся на засаду немецкого голявого отряда и, отстреливаясь, он с одним разведчиком сумел оттолкнуть назад и сообщить двигавшейся во весь рост колонне 26-го полка, которая немедленно развернулась в боевой порядок, частью уничтожила гитлеровцев, остальные повернули

Журналисты «Орловской правды» Николай Калмыков, Александр Аганин и Борис Николаевич, погибшие на войне

Мемориальная доска в Доме печати

100! ОРЛОВСКАЯ ПРАВДА

После учёбы на московских курсах Калмыков в мае 1944 года стал редактором газеты 207-й краснознамённой стрелковой дивизии «За честь Родины». 19 февраля 1945 года Николай Калмыков погиб. Он был награждён двумя орденами и медалью «За оборону Сталинграда». Сохранились письма с фронта жене Анне Фёдоровне и детям.

Вновь откорме фронтовые треугольники и улышкой живой голос этого человека.

«22 августа 1942 г. Родная моя! Теперь я далеко от вас, от наших краёв. Мы находимся там, где сейчас идут ожесточённые кровопролитные бои... под Сталинградом. Над головой кружат немецкие самолёты, улетают артиллерия... Асеня! Вот где особенно ощущаешь, что такое Родина... Здесь каждый кусочек земли, каждый кустик кажутся такими родными, нашими, и хочется сказать всё это освободить от немецкой нечисти...»

«22 сентября 1942 г. Ася! Мне хочется тебе ещё раз сказать от всего сердца, от всей души: пусть будут самые страшные трудности, но они не сломают меня. Даже раненый, я не покину своих бойцов. Невозможно будет идти — на четвереньках пополю, но только вперёд! Не будет оружия в руках — зубами перегрызу горло врагу. О, если бы ты знала, какая лютая ненависть кипит в наших сердцах... Совсем недавно освободили от немцев город. И вот какая картина предстала перед нами: всё разграблено, сожжено, на улицах и в домах трупы мирных жителей... Средние улицы лежат трепт молодой женщины. Гитлеровцы изнасиловали её, опознали, потом отрезали груди и закопали штыками. А рядом 3-4-летняя её дочка... Так и лежат рядом в пыли на дороге мать и дочь. Только осенний ветер играет в лыняных волосках девочки... Разве можно такое забыть? Разве можно простить?»

«23 ноября 1942 г. Здравствуй, Асеня, моя дорогая! Итак, мы пошли на Запад, вперёд... Когда-нибудь больше писатели и историки напишут об этих боях сотни книг. А пока приходится орудовать штыком... Мы наступаем, и на нашей улице праздник!»

«18 января 1943 г. У нас стоят сильные морозы, дуют ледяные степные ветры, и поднимаются такая метель, что белого света не видать... Ежедневно сотнями

ведут фашистов по длинным дорогам Донских и Сальских степей. Боже мой! Что за вид! В пилотках и летних зелёных шинельных, в порванных ботинках, укутанные в бабы панталонах и платки. Это немцы, окружённые под Сталинградом!

Сейчас фрицев добивают. Железная петля на их шее всё больше и больше стягивается, и скоро фашистской мрази здесь не будет вообще. Одни только моглы захватчиков. Как предупреждение другим иноземным оккупантам!»

«Июль 1943 г. Мы вступили в бой на одном из главных направлений. Тебе трудно, даже невозможно представить, что здесь творится. Наши бойцы за день отбивают по 10-15 атак противника. Очень часто фашисты бросают на наши позиции по 80-150 танков. Стоит страшный рёв, грохот, всё в дыму до самого неба. Идут гигантские воздушные бои...

Опишу вечерней мой день. Вооружившись автоматом, я с ответственным секретарём редакции двинулся на передовую. Да и сама редакция — то почти на передовой. Метрах в сотрях-пятидесяти от нас рвались снаряды, но мы даже не пригнулись. Привыкли... У дороги лежат убитые фрицы. Их много. По бже прошли на передовую. Работа чрезвычайно интересная, живая. Ведь для того, чтобы хорошо написать о героизме, надо самому лично всё это увидеть и прочувствовать... Поздно ночью возвратились к себе и утром выпустили газету. Спать так и не пришлось. Завтра утром опять укажу на передовую».

«23 августа 1943 г. Каждый день и каждую ночь я вспоминаю о тебе и детях — Вовке и Томочке. А сейчас особенно. Ведь наши родные места — Орёл, Змиёвка — теперь снова стали советскими и там начинается новая жизнь. Вот сегодня я прочитал в газетах о штычках в Орле. Мне было и радостно и тоскливо в те минуты. Радостно потому, что Орёл теперь советский. Тоскливо потому, что мне не пришлось освобожать Орёл и быть там на торжествах.

...Орёл, Змиёвка! Как сейчас ясно представляется вся наша жизнь, которая протекла там. Там мы учились, там познакомились, там поженились, там родились наши дети. Там, в Змиёвке, похоронены мои отец, мать и братья. Как мне хочется посмотреть на родные места!»

«15 июля 1944 г. Дорогая! Вот уже четыре дня как наступаем. Опять сожжённые города и села, трупы, пожарица. Сегодня наша редакция двинулась в боях порядках пехоты. Фрицы стреляли из пушек. Мой заместитель тяжело ранен и отправлен в госпиталь. Ответсекретарь тоже ранен (осколком в плече), но продолжает работать. В двух местах пробита кабина в машине, и всё равно газета выходит...»

«21 сентября 1944 г. За окном стучит пишущая машинка, в небе гудит самолёт. Секретарь прилёг отдохнуть, литсотрудники читают письма из дома, наборщица набирают очередной материал в газету. Я только что закончил очерк... И вот сейчас, сидя на завалинке, мысленно, на огромном расстоянии от тебя, рассуждаю с тобой. Как далеко ты от меня! Тысячи километров разделяют нас, и только луна и звёзды мы можем видеть одновременно — я здесь, а ты в Орле. Видишь и вспоминаешь о прошлом, мечтаешь о будущем. Какое оно будет, это будущее?»

«11 декабря 1944 г. Вчера получил твоё письмо от 30 ноября. Значит, оно почти две недели. Отсюда я делаю вывод: уже сегодня пора поздравить тебя с новью...

1945 годом. Вот и ещё год прошёл. Год войны. Год испытаний. Сколько степеней пройдено с боями! Сколько трагичности пережили! Иногда думаю: на что только способен советский человек! Поистине, когда закончится война, о наших людях напишут самые лучшие книги — они достойны этого!»

«8 февраля 1945 г. Аська, милая, дорогая! Не сетуй на меня, что так давно не писал. Вынужден в том не я, а сложившаяся обстановка. Дело в том, что и некогда было писать, и не с кем отправить написанное.

Мы всё время наступаем. Наступление стремительно. Сразу же после освобождения был в Варшаве, проезжал её ночью. Ожесточённо разбиты, одни руины. Дальше — дороги, бои... Одним словом, война. За Варшавой, западнее, побывал во многих польских городах. Наконец, Германия! Сейчас мы в ней... Очень близко Берлин. Маршал Жуков нас ведёт в логово врага. Ещё одно усилие — и столица Гитлера падёт. Немного осталось теперь и до нашей с тобой встречи. Я жду этого дня с нетерпением. Крепко-крепко тебя целую. Поцелуй за меня Вовка и Томочку. Твоя Коля».

Письма Николая Калмыкова были опубликованы в середине 1960-х годов в московском сборнике «Журналисты на войне», а в канун 30-летия Победы изданы отдельной книгой в Минске. Столица Белоруссии не случайно отдала дань памяти орловскому газетчику — его сын Владимир стал одним из известных учёных-философов Белоруссии, доктором наук, профессором, автором множества научных трудов. Помнил Николая Калмыкова и родной Орёл: им отважного газетчика — на мемориальной доске в Доме печати, ему посвящены строки в книге Леонида Афонина «Рассказы литераторов», в справочнике «Писатели Орловского края», в сборнике «Летописи: Рассказы, воспоминания, письма, исследования орловских журналистов»...

Алексей КОНДРАТЕНКО